

ДЮБОЗ ХЕЙВОРД

ПОРГИ

тень судьбы

Дюбоз Хейворд
Порги. Тень судьбы

«Автор»

2026

Хейворд Д.

Порги. Тень судьбы / Д. Хейворд — «Автор», 2026

Южная Каролина, 1920-е. Кэтфиш-Роу — старый кирпичный особняк, превращённый в жилище для бедных слоёв негритянского населения Чарльстона. Место, где время застыло, а жизнь бьёт ключом: здесь играют в кости, молятся, хоронят умерших и пытаются выжить любой ценой. В центре этого мира — Порги. Лишённый возможности ходить, он передвигается на козьей повозке, но обладает острым умом и нестигаемой волей. Его одинокая жизнь обретает смысл, когда в его комнате находит приют Бесс. Она бежит от жестокости своего бывшего любовника, могучего грузчика Крауна, и от разрушительной зависимости, но призраки прошлого не отпускают её. Роман Дюбоза Хейворда — это глубокое, лишённое сентиментальности исследование человеческой природы. Автор с удивительной чуткостью воссоздаёт атмосферу душного южного города, показывая, как в условиях нищеты рождаются подлинные чувства, верность и трагическое стремление к счастью. Произведение, подарившее миру знаменитую оперу, сегодня звучит как острая, живая классика.

© Хейворд Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
ЧАСТЬ I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Порги. Тень судьбы

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Роман Дюбоза Хейворда «Порги» впервые вышел в свет в 1925 году и сразу занял особое место в литературе американского Юга. Это не просто бытовая хроника негритянского квартала Чарльстона. Это попытка увидеть человеческое там, где общество привыкло видеть лишь статистику, предрассудки или сценическую маску. Читая эти страницы сегодня, мы возвращаемся в эпоху, когда американская литература только начинала всерьёз говорить о тех, кого заставляли молчать, и когда достоинство измерялось не социальным положением, а способностью сохранять внутреннюю опору в мире, который редко даёт шанс.

ДЮБОЗ ХЕЙВОРД: БИОГРАФИЯ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

Дюбоз Хейворд (1885–1940) родился в Чарльстоне, в семье, чьи корни уходили в довоенную Южную Каролину. Он окончил Гарвардский университет, где изучал литературу, но война прервала академическую карьеру: Хейворд служил в армии, после демобилизации вернулся на родину и устроился страховым агентом. Эта работа, парадоксальным образом, стала для него школой писателя: она заставляла много ездить, общаться с людьми самых разных слоёв и пристально всматриваться в детали быта.

Хейворд не принадлежал к числу кабинетных литераторов. Он писал стихи, публиковал очерки, пробовал себя в драматургии, но настоящая слава пришла к нему с прозой. Его тексты отличались редкой для белых авторов своего времени эмпатией и отказом от карикатурных образов. Помимо «Порги», он написал романы «Дочери Мамбы» (1929) и «Звёздно-полосатый Виргин» (1930), сборники поэзии и несколько пьес, многие из которых создавались в соавторстве с женой, Дороти Хейворд. Однако именно первая книга осталась его главным словом в литературе.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ «ПОРГИ»

Идея романа родилась из личных наблюдений. В начале 1920-х годов Хейворд подолгу бывал в районе Кэтфиш-Роу, записывал речь, песни, бытовые детали, стараясь уловить ритм жизни местного сообщества. Он сознательно отверг популярные тогда штампы менестрельной культуры и сделал ставку на внутренний мир своих героев. Работа над текстом заняла несколько лет. В 1925 году книга вышла в издательстве Джорджа Х. Дорана и была встречена с живым интересом: критика отметила точность деталей и психологическую достоверность, а читатели откликнулись на искренность интонации.

Успех оказался настолько значительным, что уже в 1927 году Хейворд совместно с женой адаптировал роман для театральной сцены. А в 1935 году, вместе с братом Джорджа Гершвина, Айрой Гершвином, написал либретто к опере «Порги и Бесс». Музыкальное воплощение истории навсегда вписало имена авторов в историю мировой культуры, но литературный первоисточник сохранил свою самостоятельную силу.

ЧЕМ ЗНАМЕНИТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ

«Порги» знаменит не только тем, что стал основой для одного из величайших музыкальных произведений XX века. Его ценность — в смелости и человеческой теплоте. Хейворд показал жизнь, в которой бедность, насилие и зависимость соседствуют с верностью, способностью любить и тихим стремлением к порядку. Роман разрушил многие расовые стереотипы своего времени и открыл путь для более честного диалога в американской литературе. Сегодня он читается как документ эпохи и как вневременная история о выборе, утрате и попытке остаться собой.

О ПЕРЕВОДЕ И РЕДАКЦИИ

Настоящее издание подготовлено на основе раннего русского перевода, однако текст подвергся глубокой литературной редакции. Главная задача состояла в том, чтобы избавить книгу от признаков переводной литературы, не искажая авторский замысел и атмосферу 1920-х годов.

В ходе работы были устранены буквалистические конструкции, неестественные синтаксические кальки и шаблонные обороты, характерные для ранних переводов. Диалоги приведены в соответствие с живой речью: сохранены индивидуальные особенности персонажей, их социальный и культурный бэкграунд, естественные паузы и разговорные сокращения. Ритм повествования выстроен так, чтобы современный читатель воспринимал текст как цельное художественное произведение, изначально написанное на русском языке.

При этом бережно сохранены исторический контекст, южный колорит, мировоззренческие особенности эпохи и стилистическая манера Хейворда. Мы не стремились к стилизации под старину или искусственному архаизированию языка. Приоритетом оставалось качество художественной прозы, в которой эпоха сохраняется не через устаревшие синтаксические конструкции, а через фактуру жизни, характеры и авторскую интонацию. Текст адаптирован для современного восприятия, но не осовременен по содержанию. Он звучит так, как должна звучать классика в качественном современном издании: ясно, естественно и без посредников между читателем и автором.

Дюбоз Хейворд

ПОРГИ

Посвящается

Дороти Хейворд

Порги, Мария и Бесс,

Роббинс, Питер и Краун;

Жизнь — трёхструнная арфа,

Что из леса в город принесли.

Вы звучали чудно

Страстью, смертью, рождением,

Вы, что смеялись и плакали

На тёплом, смуглом лоне земли.

Теперь в ваших руках,

Ещё неопытных, новых,

Мастер суровый вложил

Инструмент непривычный и дивный.

Он требует песен иных —

Не тех, что пелись прежде.

Боже белых и чёрных,

Подари нам сердца широкие,

Чтоб мы поняли их,

Пока они учатся играть.

ЧАСТЬ I

Порги жил в Золотом веке. Не в том Золотом веке, что канул в легенды; не в той химере, что мерещится каждому мужчине за пятьдесят, — эпохе, которой никогда не было, кроме как в юных сердцах, — а во времена, когда нынешние старики были мальчишками в древнем прекрасном городе, который время обошло стороной, прежде чем уничтожить.

В этом городе сохранился Золотой век многих вещей, и нищенство — не последняя из них. В те дни у этого ремесла были свои традиции. Человек просил подаяния, потому что голодал, почти так же, как другой, более энергичный, шёл в грузчики по той же причине. Его просьба вызывала простую реакцию: порыв щедрости, движение руки, звон монеты. Никаких бюрократических жерновов современных благотворительных обществ. Прошлое нищего и его умственные способности оставались его личным делом, и чаще всего ему было плевать и на то, и на другое.

Появись Порги на свет через поколение, а то и просто лет на двадцать позднее, и повторилась бы старая трагедия: гений без возможности себя реализовать. Если художник рождается с видением красоты, а торговец — с чутьём на выгоду, то Порги был предназначен провидением к карьере попрошайки. Вместо крепких ног, годных для работы на хлопковых причалах, он родился с изуродованными нижними конечностями. Такие ноги сразу бросались в глаза и будили сочувствие. Благодаря ли врождённому дару или выработанной философии, он обладал личностью, которую невозможно было игнорировать. Он притягивал и одновременно тревожил. В нём чувствовалось нечто, отделявшее его от толпы коллег, соперничающих за внимание добрых сердец. Пока другие наперебой требовали милостыни и осыпали прохожих благодарностями, Порги сидел молча, погружённый в себя. Он не улыбался. Благодарил лишь медленным поднятием глаз — странных, с тенями в глубине. Кожа у него была чёрная, почти пурпурно-чёрная, как у человека с чистой конголезской кровью. Руки огромные, мускулистые. Даже бездействуя на коленях, они казались пугающе мощными на фоне хрупкого тела. Тот, кто бросал монету в его чашку, уходил с чётким, хоть и смутным впечатлением: чувство бесконечного терпения, а под ним — скрытая, страшная сила.

Никто не знал возраста Порги. Никто не помнил, когда он впервые появился среди местных нищих. Женщина, вышедшая замуж двадцать лет назад, помнила его: он сидел тогда на церковных ступенях и напугал её, когда она входила.

Однажды ребёнок увидел Порги и вдруг спросил: «Чего он ждёт?» Это определяло его лучше всего. Он ждал. Ждал с напряжённой сосредоточенностью увеличительного стекла под солнцем.

Как любой серьёзный профессионал, Порги был постоянен. Каждое утро он встречал первого прохожего в деловом квартале, у стены старой аптеки на углу Кинг-Чарльз-стрит и Митинг-Хаус-роуд. Давняя привычка и чувство прекрасного привязали его к этому месту. Он сидел здесь в утренней прохладе и смотрел через узкую улицу на свежую зелень Джаспер-сквер, где дети запускали воздушных змеев и играли в прятки среди кустов. Когда день продвигался вперёд и полуденный зной плавил асфальт между двумя рядами кирпичных домов, Порги ощущал приятное первобытное спокойствие и легко дремал под этим жаром. К вечеру вокруг него начинала расти тонкая синяя тень, быстро расширяясь, остужая раскалённые плиты и уводя поток прохожих домой — мимо его пустой чаши.

Но больше всего Порги любил поздние вечера, когда улица снова затихала, а солнечный свет, налившись цветом, устремлялся над низкой крышей аптеки, окрашивая кремовую штукатурку противоположного дома в ржавое золото и превращая старую, вымытую дождем черепицу в полированную медь. Тогда стройная женщина в белом, жившая в том доме, распаивала высокие французские окна гостиной на втором этаже и садилась за фортепиано, и Порги мог видеть ее смутный силуэт; она играла до самой темноты, пока старый Питер не проезжал мимо на своей телеге, чтобы отвезти Порги домой.

§

У Порги был лишь один порок. Сведя свой день к однообразной обыденности, по ночам он становился заядлым игроком. Каждый вечер он аккуратно делил дневную выручку: минимум на комнату и еду, остаток — на вечернюю партию. При свете коптящей керосиновой лампы, в кругу возбуждённых лиц, он уже не был тем нищим в пыли. Его застоявшаяся кровь

внезапно оживала. Он становился равным могучим парням, которые перетаскивали хлопковые тюки и нестерпимо воняли потом с удобрительных заводов. Он даже знал, что завоевал их неохотное уважение: у него был особый способ уговаривать и ласкать маленькие кости, заставляя их отвечать ему. Громкое «О, моя детка!» и взрывное «Давай семёрку!» его партнёров редко приносили выигрыш, когда он испытывал это лёгкое, острое чувство и шептал новыми, мягкими словами. В эти часы он терял свой взгляд в будущее. Пока кости летели по кругу, он жил в ярком, горячем настоящем.

В одну субботу в конце апреля, когда в воздухе уже чувствовалось первое дыхание лета, Порги сидел в игровом кругу перед своим домом в Кэтфиш-Роу и тихо нащёптывал своим богам случая. Весь день его беспокоило смутное чувство тревоги. С залива не дул ни один ветерок, а небо над аптекой было непрозрачно-серо-голубым и давило на город. К вечеру над западным горизонтом поднялась грозовая туча и угрожающе зарокотала, но прошла стороной, и воздух остался горячим, спёртым, влажным. Негры вернулись на ночь раздражёнными. Вместо обычной субботней весёлой болтовни и песен большинство комнат было темно и тихо, а двор пуст.

Игра началась поздно. Игроков собралось мало. Напротив Порги, сидя на корточках и молча бросая кости, был негр по имени Краун. Он работал грузчиком, обладал телом гладиатора и дурной славой. Его хлопковый крюк, висевший на поясе на ремешке, поблёскивал в ламповом свете и звонко стучал по плитам, когда он наклонялся, чтобы бросить. Краун пил с Роббинсом, сидевшим рядом. Пахло кислым кукурузным виски. Роббинс говорил без умолку и, как всегда в подпитии, не переставал восхвалять свою жену и детей, которыми необычайно гордился. Он хорошо обеспечивал семью и, кроме субботнего выпить и игры, вёл оседлый образ жизни.

— Моя бабка служила у самого губернатора Ратледжа, — хвастался он. — Чистокровная белофельская негритянка. Разве вы не видели, как сама мисс Ратледж навещала её, когда та болела? А мои детишки — они воспитаны по-настоящему.

— Лучше побереги свою болтовню для этих проклятых костей! У костей нет терпения на баб! — оборвал его один из молодых игроков.

— Верно подмечено! — подхватил другой. — Все они гонятся за одной и той же негритянской монетой. Оттого и не ладят.

— Заткнись и кидай! — проворчал Краун.

Роббинс, сбитый с толку, поспешно бросил кости. Едва они успокоились, как Краун яростно сгрёб их в свою огромную ладонь, выругался и швырнул обратно в круг — и проиграл с первой же попытки. Тогда Порги бережно взял кости и на секунду зажал их в своих сильных, тонкопалых руках.

— О, маленькие звёздочки, покажите мне свет! — тихо запел он, сделал бросок — и выиграл. — Подарите мне солнце и луну! — умолял он дальше, и кости снова повиновались.

— Порги околдовал кости! — зарычал Краун, опрокинул фляжку и швырнул её на плиты, где она с грохотом разбилась.

Под нависающими стенами многоквартирного дома игра шла стремительно. Из дальней комнаты доносились сонные голоса, будто задавленные жарой дня. В другом углу кто-то монотонно перебирал аккорды на гитаре, пока тьма не начала пульсировать. Но игроки не замечали ничего, кроме пятна оранжевого света на плитках и живых кубиков, то вспыхивающих, то вяло катящихся — в зависимости от настроения руки, что их метала. Старый извозчик Питер спокойно курил в дверях Порги и смотрел с доброжелательной улыбкой снисходительного старика. Когда Краун проиграл крупно и, обернувшись к Роббинсу, зарычал: «Бросай честно, чёрт тебя дери!», — Питер мягко предостерёг: «Друзья, выпивка и кости — плохая компания. Вам бы поосторожнее».

И тогда всё случилось в мгновение ока.

Роббинс снова бросил, назвал число и, пока Краун соображал, успел подхватить кости и сгрести всю кучу монет в карман.

Краун, издав низкое рычание прямо с корточек, бросился вперёд всей своей мощной массой, разбил лампу и швырнул Роббинса о стену. Они вскочили и встали друг против друга. Разлитое масло из лампы вспыхнуло между плитами алым пламенем. Краун присел для новой атаки, обнажив зубы. Свет резко выхватывал его выступающую челюсть, оставляя лоб в тени. Одной рукой он легко касался земли, уравнивая массивное тело, а другой держал хлопковый крюк перед собой, готовый к удару, как хищная клешня. По сравнению с ним Роббинс казался жалким и беспомощным. На миг он замер в нерешительности — и использовал свой единственный шанс. Как метательное копьё, он бросился всем телом под ужасающий крюк и вцепился в противника.

Они рухнули на каменные плиты. Одежда их не выдержала. Их смуглые, мускулистые тела прорвали тонкую ткань. Канаты мышц скользили и переплетались на широких плечах. В отсвете пламени на спинах вспыхивали ярко-рыжие отблески, тут же поглощаемые тенями. В воздухе повис тяжёлый звериный смрад, заглушивший все прочие запахи. Из тёмных дверей стали выползать тени зрителей, почуявшие неладное, и завывали жутко. В пространстве не больше комнаты сплетённая масса раскачивалась взад-вперёд. Они хрипели, словно вырывающийся пар из кипящего котла. Иногда из этого клубка вырывалась окаменевшая рука, или на миг свет выхватывал изуродованное, безумное лицо. То вся эта груда вздымалась, будто отталкиваясь от земли, и с грохотом обрушивалась обратно на плиты.

Такое напряжение не могло длиться долго. Конец пришёл быстро. Краун разорвал ослабевшую хватку противника, и удерживая на вытянутой руке, ударил хлопковым крюком. Затем бросил тело и, пошатываясь, направился к улице. Даже новичок понял бы: Роббинс мёртв. Окончательно мёртв. Страшно.

Из толпы вырвался вопль, нарастающий до нечеловеческой боли. Женщина прорвалась сквозь круг зрителей и бросилась на тело. Пламя на плитах затрепетало, превратившись в бледно-синее, потустороннее, пугающее.

Порги задрожал, тихо всхлипнул в темноте, перетащил себя через порог и закрыл дверь.

§
Кэтфиш-Роу, где обитал Порги, переулком не был. Это было огромное кирпичное здание, огибающее внутренний двор с трёх сторон. Четвёртую сторону замыкала высокая стена

с острыми осколками стекла, вмурованными в старую известковую штукатурку, и посередине — широкий проход. Над входом ещё сохранилась массивная решётка из итальянского кованого железа, а на вершинах высоких столбов ворот торчали потрёпанные мраморные капители. Сам двор был выложен крупными плитами, которые даже под вековым слоем грязи в прямом солнечном свете переливались слабыми пастельными оттенками. Южная стена, постоянно находящаяся в тени, была покрыта лишайником от земли до прогнившего водостока; напротив, северный фасад, прерываемый лишь рядами мелкопанельных окон, сквозь облупившуюся штукатурку показывал все цвета радуги, а летом от каждого подоконника била сплошная стена алых гераний в старых жестяных банках из-под овощей.

В высоких комнатах с потрёпанными колониальными каминами и обломками лепных украшений некогда бывали губернаторы и королевские послы, интриговали и танцевали. Теперь перед широким входом лежала лишь узкая булыжная улочка, а за ней — заваленный мусором причал, где рыбачили черноеожие. Только залив остался неизменным. За грудой обломков он простирался до самого горизонта, принимая настроение от переменчивого неба: всегда разный — и всегда один и тот же.

Сразу за входом в Ряд, с единственным мутным окном на улицу, где выставляли тарелки с жареной рыбой, находилась «закусочная», обслуживавшая жильцов дома.

Комната Порги располагалась напротив и имела большое преимущество: окно выходило на улицу и гавань, а внутренняя дверь позволяла ему наблюдать за жизнью двора. Для него окно означало приключение, а дверь — дом.

§

По обычаю, закончив дневные дела и обменяв часть сборов на вечерний ужин из рыбы с хлебом, Порги садился у окна и смотрел, как мимо проходит мир. Большие хлопковые причалы лежали выше по реке, за Рядом; и в сезон хлопка он любил сидеть в сумерках и наблюдать за проезжающими фурами. Они выскакивали из-за поворота с громом колёс по булыжнику, и с его низкого места казались огромными и загадочными в сгущающейся темноте. Иногда их проезжало подряд двадцать — с огромными, быстро шагающими мулами, согнутыми фигурами возниц и горой тюков над головами. Порги всегда испытывал смутный, но приятный страх, когда фуры проносились мимо. В них была сила — огромная, внушающая благоговение; она могла бы легко раздавить его, окажись он на пути. Но здесь, в безопасности за окном, он мог наблюдать за ней без опаски. Иногда, когда обоз был особенно длинным, ритмичный гул и череда форм, мелькающих за окном, вызывали в нём странное ощущение отрешённости, и в воображении вспыхивали и гасли картины далёких мест и событий.

Но в ночь после убийства окно было закрыто, а сквозь открытую дверь за спиной доносился ритм похоронного напева из комнаты Роббинса.

— Что с тобой, брат? — звучал стих.

И хор отвечал:

— Боль сковала тело, не устоять мне на ногах.

Порги сидел на полу и пересчитывал дневную выручку: один доллар двадцать центов. День выдался удачным. Возможно, скорбь, тяготеющая над его душой, пробудила сочувствие прохожих.

— Что с тобой, сестра?

— Иисус забрал нашего брата, и я не могу стоять на месте.

С тех пор как Порги вернулся домой, воздух пульсировал в такт пению. Он разделил монеты поровну и начал прятать одну часть. Снова прозвучал напев:

— Боль сковала тело, не устоять мне на ногах.

Он на секунду замер, снова ссыпал все монеты в кучу, отобрал двадцать пять центов, положил их в карман и, взяв остальное, вышел и перетащил себя через двор в комнату скорби.

Тело лежало на кровати в углу, укрытое простынёй до глаз, а на груди стояла большая синяя тарелка. Вокруг кровати, стоя или сидя спинами к стене, расположились около двадцати негров: одни пели, другие покачивались, отбивая ритм ногами. С того момента, как тело положили, ритм ни на секунду не ослабевал. С каждым часом он набирал силу, пока не стал казаться способным раскачать само здание.

Порги слышал, что у Роббинса не было похоронной страховки — обычные субботние развлечения съедали ту малую толику, что оставалась от дневного заработка после всех нужд. Теперь, увидев тарелку, он понял, что слухи не лгали. Среди бедных негров существовал старинный обычай: укладывали покойника так и пели похоронные песни, пока соседское сочувствие не собирало денег на достойные похороны. В последние годы появились страховые агенты и «похоронные ложи», и старый обычай вышел из употребления. Более того, стало позором, если в семье хоронили «через тарелку».

У изголовья кровати, согнувшись под двойной тяжестью горя и позора, сидела вдова и покачивалась в такт напеву, как пальма на пустынном берегу под порывами холодного ветра.

Зрелище её скорби, духота комнаты, ужасное присутствие под простынёй и неумолкающий ритм, бивший в уши, — всё это вызвало в Порги странное желание. Внезапно он запрокинул голову и протяжно, дрожащим голосом завыл. В него хлынуло огромное облегчение. Он завыл снова, высыпал всю горсть мелочи в тарелку и опустился на пол у изголовья. Вскоре он присоединился к хору, и в нём поднялось чувство восторга, вырвавшее его из отчаяния похоронного плача в более торжественный ритм.

— Есть у меня брат на новом погосте, ярче солнца он! — пел он.

Хор без паузы подхватил:

— И встречусь с ним в земле обетованной!

Тут вмешался грубый голос. В комнату вбежал коренастый желтокожий негр. Голос у него был низкий, маслянистый и пронзительный. Он был одет весь в чёрное и держался с важным видом. Пение стихло почти до пульсирующей тишины. Мужчина подошёл к вдове, сгорбившейся у ног кровати, и тронул её за плечо. Она подняла лицо, похожее на догоревший уголёк.

— Что там у вас в тарелке, сестра? — прошептал он, бросив оценивающий взгляд на предмет своего интереса.

— Всего пятнадцать долларов, — ответила она плоским голосом, полным отчаяния.

— А хоронить надо завтра! — раздался испуганный голос. — Иначе санитары заберут его для опытов!

Вдова пронзительно закричала, встала на колени и схватила его руку обеими своими.

— Ради Бога, похороните его на кладбище! Я начну работать в понедельник и клянусь Богом — отдам вам всё до копейки!

На миг даже ритм замер, оставив в воздухе мучительное напряжение. Все замерли. Широко раскрытые глаза молча умоляли мужчину. Вдруг его деловое выражение лица исчезло.

— Ладно, сестра, — просто сказал он. — С гробом и одной каретой выйдет мне чуть больше двадцати пяти. Но я проведу вас до конца. Будьте готовы к восьми утра. До кладбища далеко.

Женщина беззвучно опустилась на край кровати, положив голову между вытянутыми руками. И тогда из тесной комнаты снова взметнулась песня — теперь уже торжествующая:

— Есть у меня брат на новом погосте, ярче солнца он!

Ритм усилился, и голоса во дворе и на верхних этажах подхватили напев, пока древние стены не начали качаться и колыхаться от его мощи.

§

Ранним утром процессия отправилась на кладбище за пределами города на севере. Впереди шёл ветхий катафалк с жёсткими деревянными султанами и выцветшими чёрными бар-

хатными занавесками, колыхавшимися за стеклянными панелями. За ним следовала единственная карета, в которой виднелась толпа в чёрном, подчёркнутая несколькими парами белых хлопчатобумажных перчаток, прижатых к опущенным глазам. За каретой шли скорбящие — пёстрая вереница из телег и колясок, одолженных по случаю.

Порги ехал с Питером, а четверо женщин, сидевших на прямых стульях в телеге позади, составляли им компанию. Время от времени из какой-нибудь повозки вырывался протяжный стон, и его подхватывали, передавая от телеги к телеге, как мрачное эхо.

Когда процессия выехала из негритянского квартала на широкую Митинг-Хаус-роуд с её высокими домами и белыми лицами, мелькающими и рассеивающимися по тротуарам, она выглядела почти гротескно — в той странной смеси комедии и трагедии, которая так неотделима от глубоких моментов негритянской жизни.

Толстый немец, державший лавку на углу Кинг-Чарльз-стрит и Саммер-роуд, позвал своего приказчика из глубины магазина, и оба их живота затряслись от смеха. Но маленький тёмный русский еврей из соседней лавки, торговавший ужасно вонючей одеждой, бросил на них укоризненный взгляд и скрылся внутри.

Кладбище находилось в нескольких милях за городской чертой. Участок был голым, без деревьев, но среди могил яркие сорняки скрашивали уродство взрыхлённой земли. На востоке широкое болото тянулось к далёкой светлой полосе моря. На западе вспаханные поля уходили к дальнему сосновому лесу. От моря до самых верхушек деревьев небо выгибалось головокружительной аркой тонкой синевы, а высоко в центре неподвижно висели несколько стервятников, наблюдающих сверху.

В огромной пустоте утра маленькая процессия доползла до края разбитого деревянного забора, обозначавшего ограду, и остановилась.

К тому времени, как подъехала последняя телега, дешёвый сосновый гроб уже стоял на брусках над могилой, а проповедник в белых одеждах готовился начать службу.

Скорбящие собрались вокруг могилы.

— Смерть, тебе не стыдно? — раздался чистый, высокий сопрано.

И тут же скорбь взметнулась и закачалась вокруг могилы в похоронном напеве. Трижды песня описывала свою дугу — пронзительную, острую, мучительную, — затем переходила в раздражающую душу минорную каденцию:

— Забери этого человека и уйди — уйди.

Смерть, тебе не стыдно?

Когда пение стихло, началась погребальная служба. Проповедник говорил свободно, подхватывая ритм гимна, и вплетал слова в его нескончаемый ритм, пока всё собрание не закачалось от накопившегося эффекта.

Наступил финальный момент обряда. Крышку гроба сняли, и скорбящих выстроили в очередь, чтобы взглянуть на лицо покойного. Первой подошла очень старая, сгорбленная негритянка. Она наклонилась — и вдруг с криком отчаяния бросилась рядом с гробом.

— Скажите Питеру, пусть держит дверь открытой для меня! Я скоро приду! — закричала она.

— Да, Господи, скоро придёшь! — отозвался чей-то голос в толпе.

Остальные толпились у могилы, и воздух пронзали крики. Горе изливалось свободно, ужасающе.

Постепенно крики сливались в размеренный ритм спиричуэла. Красивый и пронзительный, он поднялся над звуками падающей земли, пока могилу засыпали:

— Что ты сделаешь, когда выйдешь из пустыни,

Выйдешь из пустыни,

Выйдешь из пустыни?

Что ты сделаешь, когда выйдешь из пустыни?

Опершись на Господа моего.
— Опершись на Господа моего,
Опершись на Господа моего,
Опершись на Господа моего,
Что умер на Голгофе.

Музыка растворилась в неопределённых минорах. Настроение толпы почти ощутимо изменилось. В воздухе повисло тревожное беспокойство. Нервные взгляды устремились к выходу. Питер, всегда предусмотрительный, если его не застали врасплох, заранее договорился с Порги об этом моменте. Помогая ему вылезти из телеги, он посадил его прямо у забора, чтобы можно было быстро

поднять на дорогу.

— Последний, кто остался на кладбище, будет следующим, кого похоронят, — напомнил он другу.

Теперь, когда последняя лопата земли упала на могилу, он подбежал к Порги и быстро поднял его на дорогу. За их спинами раздался внезапный, сотрясающий землю гул, будто табун скота бросился в панике, и скорбящие пронеслись мимо, спотыкаясь, дерясь за место; одни помогали слабым, другие яростно рвались из ограды. В центре толпы, с развевающимися одеждами, мчался проповедник. Невероятно быстро участок опустел. Тогда из куста у могилы поднялась старая негритянка, первой излившая своё горе. Она забылась там, преодолённая бурей чувств, и теперь слабо ковыляла к дороге.

— Не беспокойся, сестра, — утешал её проповедник. — Господь всегда любит праведных.

Ошеломлённая и довольная вниманием, причины которого ещё не понимала, старуха смутно улыбнулась и позволила посадить себя в телегу.

За время похорон солнце скрылось за тучами, нагнанными с моря, и теперь крупные капли дождя прошлись по повозкам и разлились над пустынными могилами.

— Теперь Роббинсу спокойно, — заметил Порги. — Господь уже послал дождь, чтобы смыть его следы с этой земли.

— Аминь, брат! — отозвался женский голос.

— Аминь, Иисус мой! — добавил другой.

§

В ранний послеобеденный час в день похорон Порги сидел у своей двери и беседовал с Питером. Старик некоторое время молчал, опустив седую голову, с выражением задумчивой нежности на морщинистом лице.

— Роббинс был хорошим человеком, — наконец произнёс он, — а этот негр Краун — убийца, и навсегда останется в беде. И вот Роббинс лежит мёртвый, оставив жену и сирот, а Краун ушёл своей дорогой, чтобы снова где-нибудь повторить то же самое.

— Ушёл наверняка. Думаю, уже прячется на Киттиуор-Айленде, в пальмовых зарослях, и верёвка ещё не сплетена, чтоб поймать его и повесить.

Порги вдруг замолчал и кивнул головой в сторону человека, только что вошедшего во двор. Новым гостем оказался белый мужчина коренастого сложения, в шляпе с широкими полями и с бородкой клинышком. Размахивая тяжёлой тростью, он уверенно пересёк двор, остановившись перед ними. Некоторое время он мрачно смотрел на них, нахмутив брови. Затем распахнул пиджак, показав полицейский значок и тяжёлый револьвер в нагрудной кобуре.

— Ты убил Роббинса! — резко бросил он Питеру. — И я повешу тебя за это. Та сейчас же пойдёшь со мной! — Он протянул руку и крепко схватил старика за плечо.

Питер задрожал, глаза его закатились. Он безуспешно попытался заговорить, попробовал снова и наконец выдавил:

— Клянусь Богом, босс, я этого не делал.

В мгновение ока пистолет выскочил из кобуры и уставился ему между глаз.

— Кто же тогда? — рявкнул детектив.

— Краун, босс! Я видел, как он это сделал! — закричал Питер в полной панике.

Мужчина коротко рассмеялся.

— Так я и думал, — сказал он и повернулся к Порги. — Ты тоже видел, да?

Руки Порги сжались на коленях. Он уставился в плиты двора. Глубоко вдохнув, он молчал.

Детектив побагровел.

— Ну же! Выкладывай! Не хочу пускать в ход закон.

Единственным ответом Порги была лёгкая дрожь в руках на коленях. Лицо детектива потемнело, под полями шляпы выступил пот. Вдруг он сорвался:

— Посмотри на меня, чертов ниггер! — закричал он.

Сидевшая перед ним фигура медленно расслабилась. Наконец руки разжались и легли безжизненно. И только тогда Порги поднял глаза — твёрдые и непроницаемые, как оникс. Они встретили злобный взгляд без дрожи. После долгой паузы он медленно и очень спокойно произнёс:

— Я ничего не знаю. Я был у себя, спал, дверь была закрыта.

— Ты лжёшь, как последний мерзавец! — огрызнулся детектив.

Он свистнул, и вошли двое полицейских.

— Он видел убийство, — указал он на Питера. — Забирайте его и сажайте как главного свидетеля.

— А этот уродец? — спросил один из офицеров.

— Он не мог не видеть, — проворчал детектив. — Это его комната прямо здесь. Но заставить его идти я не могу. Да и не важно. Одного достаточно, чтобы повесить Крауна, если мы его поймаем. Давайте, грузите старика в фургон.

Полицейский поднял дрожащего старика на ноги.

— Пошли, дядюшка. Для тебя всё не так плохо, как для Крауна, — ободрил его один из них.

И маленькая группа вышла за ворота, оставив Порги одного.

С улицы донёсся пронзительный звон колокольчика патрульного фургона, за которым последовал стук быстро удаляющихся копыт по булыжнику.

§

Прошло десять дней с тех пор, как детектив увёл Питера. Целую неделю телега ждала под обветшалым навесом, а унылая старая лошадь питалась разнообразной едой, которую приносили друзья её отсутствующего хозяина. Потом пришёл человек и увёз упряжь. На возражения негров он предъявил контракт трёхлетней давности, по которому Питер должен был платить два доллара в неделю бессрочно за чрезмерно завышенную цену покупки. При неуплате любого взноса имущество возвращалось продавцу. Всё было по бумагам. И так ветхая старая колымага, громыхая по булыжнику, уехала.

Затем явился человек из мебельной рассрочки. Это был бородатый немец с грязным ртом, который так яростно ругался, что никто не посмел возразить, когда он погрузил мебель Питера на грузовик и уехал.

Теперь в углу комнаты Порги, куда он их временно прибрал, остались лишь потрёпанный кожаный сундук, хромофотография «Великого освободителя» и связка старой одежды — безмолвные напоминания о добром и кротком старике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.